

Савина М.А.

магистр культурологии Русской антропологической школы Российского государственного гуманитарного университета, Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; магистрант Института философии Свободного университета Берлина, Habelschwerdter Allee 30, 14195 Berlin, Германия. E-mail: maria.al.savina@gmail.com.

Проблема субъективности: внутренние пространства как граница индивидуального и коллективного в работах Вальтера Беньямина

Аннотация: Среди диалектических оппозиций В. Беньямина оппозиция индивидуального и коллективного является одной из центральных, организующих его мышление. Особо стоит отметить неоконченный проект «Das Passagen-Werk», в котором Беньямин переносит в сферу политического и социального способы мысли и описания истории, раскрытые им прежде на материале индивидуального опыта в «Улице с односторонним движением» и «Берлинском детстве на рубеже веков». Актуализируя опыт исторического в противоположность праисторической реальности мифа (*Urgeschichte*) и ограничиваясь от редукционистской, антиисторической на его взгляд теории коллективного бессознательного Юнга, Беньямин разрабатывает собственное понятие диалектического образа, а также связанного с ним коллективного опыта, исходя из которого предлагает описание субъекта истории. Статья посвящена коллективной и индивидуальной составляющим субъективности, раскрываемым в текстах Беньямина на примере интерьера и архитектуры внутренних пространств.

Ключевые слова: Беньямин, интерьер, историк, коллектив, миф, пассажи, история Модерна, революция, субъект.

Субъективность на сцене истории

Прежде чем обратиться к вопросу о сферах индивидуального и коллективного, необходимо раскрыть связанные с ними категории субъекта, истории и исторического времени. Субъект для Бенямина – это субъект истории, как таковой он может пребывать в двух состояниях – мифологического сна или исторического пробуждения¹. Оба состояния связаны с особенностью испытываемого субъектом опыта² времени, диалектического настоящего в историческом пробуждении и мифологического повторения одного и того же во сне³. Тем не менее, мифологическое, называемое Бенямином праисторическим, является диалектической составляющей исторического времени: через него во времени присутствует мессианский момент утопического, причем утопия является таковой как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Не всякое состояние, согласно Бенямину, можно назвать историческим. История для него – это, в первую очередь, сцена истории, поэтому историческим состоянием, опытом, сознанием можно назвать лишь исторически представленные состояния и события. Также и субъект истории – это субъект, представленный на ее сцене, одновременно и персонифицирующий ее, и переживающий как свою соб-

¹ См. *Benjamin W.* Das Passagen-Werk // Benjamin W. Gesammelte Schriften (GS) in 7 Bde. Bd. V 1. S. 156 слл., 570 слл., 960 слл. (разд. «Langeweile» и «Müßiggang»), а также «Erkenntnistheoretisches, Theorie des Fortschritts»).

² Бенямин использует категорию опыта (*Erfahrung*) в противоположность понятию переживания (*Erlebnis*), отсылающему к текстам Дильтея и связанному у последнего с классическим, доиндустриальным пониманием времени, при котором переживание понимается как целостная и непосредственная форма опыта. Бенямин же переопределяет переживание как дефицитарный опыт. Опыт, в противоположность непосредственной сиюминутной тотальности переживания, связан для него с работой воспоминания и неотделим от памяти, континуума (см. *Schmider C., Werner M.* Das Baudelaire-Buch // Benjamin Handbuch / Hg. v. Burkhardt Lindner. Stuttgart; Weimar, 2006. S. 575; *Benjamin W.* GS V 2. S. 964). Обе категории оказываются взаимосвязанными в «Пассажах»: переживание, шок, через оставляемый след проникает в память и организует работу воспоминания, в свою очередь связанную со сферой опыта (см. *Benjamin W.* GS V 2. S. 962–964; *Weidmann H.* Flanerie, Sammlung, Spiel: Die Erinnerung des 19. Jahrhundert. bei Walter Benjamin. Münch., 1992. S. 69). Используемое мной здесь понятие опыта подразумевает указанную выше диалектику опыта-переживания.

³ *Benjamin W.* GS V 1. [N 1,9] S. 571 сл, [N 2a,1] S. 576, [N 2a,3] S. 576сл, [N 3a, 3] S. 579.

ственную. Метафору сцены истории Беньямин развивает в своей диссертации «Происхождение немецкой барочной драмы», подчеркивая изначальное единство использования категории *Trauerspiel*⁴ как для исторических событий, так и для театральных представлений⁵. Проводя знак равенства между историей и театром, представляющим ее, Беньямин рассматривает героев барочной драмы как субъектов истории. Центральной при этом оказывается фигура суверена, служащая персонификацией истории на сцене⁶. В качестве субъекта истории, наделенного абсолютной властью, а вместе с ней и единоличным правом вершить историю, суверен не способен справиться с возложенной на него задачей⁷ и в своих страданиях уподобляется стоическому мученику⁸. Генеалогически родственные ему персонажи – Гамлет, обладающий знанием и потому не способный к действию, и Сократ, мученик, умирающий драматической смертью и преодолевающий трагическое молчание речью (Там же. С. 109, 137–138).

В той же работе Беньямин подчеркивает активность исторического героя в противоположность подчиненности героя античной трагедии судьбе и богам. В античной трагедии, согласно Беньямину, центральным объектом представления является не история, как в случае с барочной драмой, но миф, утверждающий власть богов и судьбы (Там же. С. 48). Герой барочной драмы, одновременно и активный, и не способный к суверенному действию, в инсценируемой борьбе страстей⁹ представляет на сцене истории как себя (субъективность в разорванной на части и не способной состояться абсолютной воле), так и историю, которая длится и после его смерти, тем самым отлича-

⁴ В русском переводе – барочной драмы.

⁵ Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002. С. 49.

⁶ Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 48.

⁷ Единая воля суверена – воля, разорванная аффектами на части, и потому не ведущая к суверенному действию, Там же. С. 57.

⁸ «Тиран и мученик в эпоху барокко – две стороны двуликого Януса коронованной особы. Это два необходимо крайних воплощения монаршей сущности» (Происхождение немецкой барочной драмы. С. 56).

⁹ «Подобно тому как маньеристская живопись почти не знает композиции с равным освещением, так и театральные фигуры этой эпохи предстают в резких отсветах их постоянно меняющихся намерений. В них прочитывается не столько суверенность, заявленная в стоических рассуждениях, сколько порывистый произвол постоянно бушующей бури страстей, в которой персонажи, в особенности Лознштейна, вздымаются словно растерзанные, трепещущие на ветру стяги» (Там же. С.57–58).

ясь от наступающего со смертью трагического героя конца эпохи (Там же. С. 109–110). Страдая меланхолией, герой барочной драмы не только останавливает ход времени в созерцании истории, раскрывающейся ему как история катастрофы в форме руины, но через вещие сны предвидит в своем созерцании события будущего (Там же. С. 142, 146–147, 155, 185). Мотив замирания хода времени как необходимая основа времени исторического будет развит Беньямином в последующих его работах в таких понятиях, как диалектический образ (*dialektisches Bild*), актуальное настоящее (*Jetztzeit*), диалектика в бездействии (*Dialektik im Stillstand*) и будет служить, прежде всего, критической цели. Однако уже в «Происхождении немецкой барочной драмы» субъект истории описывается Беньямином как субъект действия, разворачивающегося не в форме великих свершений и завоеваний суверена, но в языке и через речь¹⁰. Можно даже сказать, что способность к речи, реализующаяся в произнесении речей, является для Беньямина отличительной чертой исторического героя и соответствующего ему субъекта истории, примером которого служит уже Сократ.

Тем не менее, субъект истории не всегда является активно действующим. Как было сказано выше, Беньямин говорит не только об историческом пробуждении, но также и о разной степени глубины праисторическом сне, единственно из которого в истории и может впервые возникнуть нечто по-настоящему новое¹¹. Поэтому Бенья-

¹⁰ Важно подчеркнуть особую роль слова для Беньямина, в «Происхождении немецкой барочной драмы» называющего Адама отцом философии (С. 17), а инсценированную историю – письмом: «Когда вместе с драмой на сцену выходит история, она делает это как письмо. Слово «история» на лице природы начертано письменными знаками бренности. Аллегорическая физиономия природо-истории, представленная на подмостках драмой, действительно переживается как руина. С ней история чувственно переместилась на арену» (С. 185). В языке существуют и исторические диалектические образы (Benjamin W. GS V I, S. 577 [N 2a, 3]). Для Беньямина произнесение слова – уже действие, этический акт. Речь рассматривается им из перспективы ее генетического родства божественному слову: произноса слово, Бог творит мир. Можно проследить параллель и с созидающей ролью современной речи у Арендт: «Отыскание нужного слова в нужный момент [...] есть уже действие», Арендт Х. *Vita activa*, или деятельной жизни. СПб., 2000. С. 36. См. также «О языке вообще и о языке человека», «Задача переводчика», Беньямин В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М., 2012. С. 7–26, 254–270.

¹¹ Состояние сна соответствует мифологическому, праисторическому уровню современности, из него же – историческое пробуждение, в момент которого в

мин, не забывая о критике мифа, осуществляет работу с мифом изнутри, как бы подчеркивая в нем, как во сне, историческое – интенцию к пробуждению спящего¹². Отсюда и кайротичный характер истории у Бенямина¹³, связанный не с линейным или циклическим представлением о времени, но со временем, мыслимым как целостность, разбитая на фрагменты, моменты времени, автономные и замкнутые в себе, объемлющие целое подобно монаде¹⁴. При этом решающая роль отводится конститутивному для субъекта моменту, описываемому Бенямином через метафору пробуждения.

Индивидуальный субъект и его переосмысление Бенямином

Субъективность, представленная в «Происхождении немецкой барочной драмы» через самоинсценирование героя в истории, в «Das Passagen-Werk» поясняется через особый опыт модерна, опыт субъекта под угрозой своего исторического исчезновения¹⁵. Эпоха модерна для Бенямина обозначает временной перелом между XIX и XX вв., но такой, при котором новое граничит со старым, а предшествующий век и присущие ему формы жизни обнаруживаются и в веке настоящем. Так, формы жизни индивидуального субъекта переносятся в сферу коллективного и организуются в коллективный опыт. Индивидуальное при этом понимается Бенямином пространственно – как индивидуальное жилище буржуазного класса, связанное также и с историческими практиками угнетения¹⁶.

мифе на историческом уровне отражается актуальное. Развитие этой идеи см., напр., у *Buck-Morss S. The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project*. Cambr.; L., 1989. P. 70–71, 117, 211.

¹² В недостаточной критике мифа Бенямина упрекает Адорно, из-за чего отвергает его концепцию Пассажей 1935 года. См. письмо Адорно Бенямину от 2 авг. 1935 в: *Benjamin W. GS V II*, S. 1127 слл.; тж. см. *Buck-Morss S. The origin of negative dialectics*. N.Y., 1977. P. 144–146.

¹³ См. *Konersmann R. Erstarrte Unruhe. Walter Benjamins Begriff der Geschichte*. Fr. am Main, 1991.

¹⁴ См. эпистемологическое предисловие к «Происхождению немецкой барочной драмы» и *Konvolut N* в «Das Passagen-Werk». *Бенямин В. Происхождение немецкой барочной драмы*. М., 2002. С. 5–41; *Benjamin W. GS V I*. S. 570–611.

¹⁵ Имеется в виду угроза забвения исторической модальности в вытесняющей ее, вторгающейся в сферу времени и настоящего безвременной тотальности мифа.

¹⁶ Напр., Бенямин цитирует Маркса, подчеркивая, что фабричный труд является экономической основой буржуазного класса и его идеологической скуки, см.

Критикуя индивидуального субъекта через раскрытие его исторического происхождения, Беньямин остается близок идеям критической теории¹⁷. В частности, в своей критике теории Самости у Кьеркегора, Беньямин опирается на посвященную Кьеркегору диссертацию Адорно¹⁸, представляющего Самость как нигилистическую субъективность, укорененную в мифологии XIX в., буржуазный способ жизни которого Кьеркегор разделял¹⁹. Реализуя критику автономного субъекта, через прыжок веры утверждающего себя свободным в уединении с Богом и тем самым уходящего от мира в пространство буржуазного интерьера²⁰, Беньямин, на первый взгляд, близок идеям Ницше, критикующего уход от мира и отказ от жизни христианских священников²¹. Тем не менее, Ницше, как и Кьеркегор, оказывается для Беньямина теоретиком буржуазной индивидуальности, в первую очередь из-за мифологичности его концепции вечного возвращения и следующего из нее пренебрежения диалектикой исторического в неповторимости момента настоящего²².

Как Самость Кьеркегора, принимающая Бога и тем самым себя²³, так и сверхчеловек Ницше, творящий нового Бога и задающий чело-

Benjamin W. GS V 1. S. 162.

¹⁷ О связи Беньямина с критической теорией – в частности с реализуемой ею экономической и политической критикой эстетики – более подробно см. *Buck-Morss S.* The origin of negative dialectics. N.Y., 1977; *Recki B.* Aura und Autonomie: zur Subjektivität der Kunst bei Walter Benjamin und Theodor W. Adorno. Würzburg, 1988; *Traverso E.* Left-wing melancholia: Marxism, history and memory. N.Y., 2016. S. 181 слл.; *Waschkuhn A.* Kritische Theorie: Politikbegriffe und Grundprinzipien der Frankfurter Schule. München/Wien, 2000. S. 3 слл., 98, 102.

¹⁸ *Adorno T. W.* Gesammelte Schriften: In 20 Bänden. Bd. 2: Kierkegaard. Konstruktion des Ästhetischen. Frankfurt am Main, 2003.

¹⁹ См. рецензию Беньямина «Kierkegaard. Das Ende des philosophischen Idealismus» // *Benjamin W.* GS III, S. 380 слл. О рецепции Кьеркегора Беньямином через философию Адорно см.: *Theunissen M./Greve W.* Kritischer Marxismus // Materialien zur Philosophie Søren Kierkegaards/ Hrsg. v. Theunissen, Greve. Fr. am M., 1979; *Westfall J.* Walter Benjamin. Appropriating the Kierkegaardian Aesthetic // *Kierkegaard Research: Sources, Reception and Resources v. 11.* Kierkegaard's influence on philosophy, Tome I: German and Scandinavian philosophy / Hrsg. v. John Stewart. London; N.Y., 2012. P. 49–65.

²⁰ *Benjamin W.* GS III, S. 382–383.

²¹ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра, I, Предисловие Заратустры // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений (ПСС): В 13 т. Т. 4. М., 2007. С. 12–13.

²² *Benjamin W.* GS V 1. S. 178.

²³ См.: *Theunissen M.* Das Selbst auf dem Grund der Verzweiflung. Kierkegaards negativistische Methode. Frankfurt am Main, 1991.

веку новую цель и надежду, предполагают субъекта или находящегося в циклическом движении «возвращения того же»²⁴, или подчиненного логике прогресса, поступательного и автоматизированного совершенствования, новизну которого Беньямин обличает как все тот же миф возвращения²⁵. Более того, для Беньямина неприемлема описываемая Ницше позитивная роль забвения и его необходимость для жизни и нового начала²⁶: субъект истории, как бодрствующий, обязан помнить²⁷, а в связи с опасностью исторического забвения и вытекающей из нее центральной ролью памяти, как спящий, грезит о пробуждении²⁸.

Прокладывать путь к индивидуальному субъекту и его «внутреннему миру»²⁹ через пространственную форму проживания в буржуазном интерьере Беньямин начинает с анализа своего собственного опыта, а впоследствии обнаруживает коллективную модель индивидуального буржуазной квартиры и в стеклянной замкнутости пассажей³⁰. В борьбе с тоской по утраченному Беньямин представляет прошедшее в форме мыслительных образов в «Улице с односторонним движением» и в «Берлинском детстве на рубеже веков», тем самым критически изучая свои личные утопии³¹. Рассматривая через

²⁴ Как космически, так и этически. *Benjamin W.* GS V 1. S. 174, 175, 177, 178.

²⁵ *Benjamin W.* GS V 1, S. 178. Об особенностях критики концепции вечного возвращения Ницше у Беньямина см. *Brusotti M.* „Das Neue und Immergleiche“. Benjamin, Nietzsche und die ewige Wiederkehr // Nietzsche-Studien. 2017. Vol. 46. Issue 1. S. 254–283.

²⁶ *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. ПСС. Т. 1/2. М., 2014. С. 89–90.

²⁷ *Беньямин В.* О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. С. 245.

²⁸ *Benjamin W.* GS V 1. S. 492 [K 1a,2].

²⁹ Беньямин и Адорно используют термин *Innerlichkeit*.

³⁰ Ср. *Brüggemann H.* Passagen // Benjamins Begriffe in 2 Bde. Bd. 2 / Hg. v. Michael Opitz und Erdmut Wizisla. Fr. am M., 2000. S. 582.

³¹ См. предисловие к «Берлинскому детству»: «Я не раз убеждался в действительности прививок, исцеляющих душу; и вот я вновь обратился к этому методу и стал намеренно припоминать картины, от которых в изгнании более всего мучаешься тоской по дому, – картины детства. Нельзя было допустить при этом, чтобы ностальгия оказалась сильнее мысли – как и вакцина не должна превосходить силы здорового организма. Я старался подавлять чувство тоски, напоминая себе, что речь идет не о случайной – биографической, но о необходимой – социальной невозвратимости прошлого.

По этой причине биографические моменты в моих набросках, проступающие скорей в силу непрерывности, а не глубины жизненного опыта, отходят на

буржуазный интерьер такие состояния, как, например, отчаяние Кьеркегора или распространенную среди буржуазии в начале XX в. скуку, Беньямин подчеркивает овеществление индивидуального субъекта, превращение его посредством товарного фетишизма в вещь среди вещей, причем буржуазная квартира как выражение внутреннего мира индивида видится ему исторической тюрьмой для праисторического человека³². Подобно коллективным пространствам, место проживания автономного индивида, овеществляя его существование, отражает в себе господствующую систему властных отношений, но вместе с тем содержит намеки и признаки ее преодоления. Например, в «Улице с односторонним движением» буржуазная квартира описывается как потенциальное пространство убийства ее жителей³³, а ребенок, играющий в подобном месте в прятки, как сливающийся с материальной реальностью и пониживаемый ей: «Здесь он включен в мир материи. Он видит его с необычайной отчетливостью, безмолвно сближается с ним. Так висельнику становится понятно, что такое веревка и дерево, только в момент казни»³⁴. Но есть и пространство лоджии: в «Улице с односторонним движением» Беньямин связывает его с опытом любящего, то есть, с пребыванием «вне себя»³⁵, тогда как в «Берлинском детстве на рубеже веков» лоджия предстает границей внутреннего, где двор переходит в квартиру и наоборот, – то есть единственным местом встречи индивидуального субъекта с социальной реальностью «снаружи», местом памяти о первых опытах встречи с внешним миром, видимым словно через призму сна:

задний план. А с ними и лица – школьных товарищей и родных. Зато мне было важно воссоздать картины, в которых отразилось восприятие большого города ребенком из буржуазной семьи», *Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков*. М., Екатеринбург, 2012. С. 9–10.

³² Беньямин цитирует Адорно: «Внутреннее – это историческая тюрьма праисторического человека» («Innerlichkeit ist das geschichtliche Gefängnis des urgeschichtlichen Menschenwesens»), *Benjamin W.* GS V 1. S. 289.

³³ «Буржуазный интерьер шестидесятых-девяностых годов с его огромными, пышно украшенными резьбой буфетами, сумрачными углами, где стоит пальма, с эркером, оснащенный балюстрадой, и длинными коридорами с поющим газовым пламенем – подходящее жилище только для трупа. “На этом диване тетушку можно только убить”. Бездушное великолепие домашней обстановки становится по-настоящему комфортным лишь в присутствии мертвого тела» (*Беньямин В. Улица с односторонним движением*. М., 2012. С. 17).

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 22. *Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы*. С. 9–11.

Ничто не питало мои воспоминания столь щедро, как вид дворов, где была среди темноватых лоджий одна, летом затененная маркизами, ставшая колыбелью, в которую уложил меня, своего нового жителя, Берлин. Должно быть, кариатиды, поддерживавшие лоджию, что находилась над нашим этажом, ненадолго покинули свои места, чтобы спеть песню над моей колыбелью; и пусть в той песне почти не упоминалось о том, что ожидало меня в будущем, зато были в ней слова, навсегда сохранившие для меня пьянящий воздух наших дворов. Мне кажется, легкое дыхание этого воздуха пронеслось даже над виноградниками на Капри, укрывавшими меня, когда я сжимал в объятиях возлюбленную, и, несомненно, этот воздух сегодня овеивает образы и аллегии, что властвуют над моей мыслью, подобно тому, как кариатиды на лоджиях господствовали над дворами в западной части Берлина³⁶.

Индивидуальное, заключенное в интерьер, для Бенямина – сознание, соединенное с вещами, мертвое или спящее. Стоит отметить также, что жизнь индивидуального субъекта в интерьере подчинена циклическому принципу ритуалов и повторений, сменяющихся и плавно перетекающих друг в друга³⁷. Однако Бенямин видит в буржуазном интерьере не только власть капитализма, умертвляющую жизненную спонтанность, но также и вынашивание иного – неявленных социальных форм и отношений, чьи признаки можно наблюдать и в утопическом горизонте буржуазного пространства³⁸. Рассматривая интерьер в качестве мыслительного образа, тем самым представляя его через призму будущего и утопии, Бенямин обнаруживает

³⁶ Бенямин В. Берлинское детство на рубеже веков. С. 11.

³⁷ Феноменологию негативного заключения во внутреннее можно также найти у критикуемого Бенямином Кьеркегора, в частности в описаниях последним однообразно длящегося бытия эстетического субъекта: «Как, однако, ужасная скука — ужасно скучна! Я не знаю более сильного, более верного определения, ибо подобное познается подобным. Если бы нашлось более точное и сильное выражение, в нем было бы хоть какое-нибудь движение. Я лежу вытянувшись, неподвижно; я вижу только пустоту, я двигаюсь в пустоте. Я не ощущаю даже боли. Коршун постоянно клюет печень Прометея, яд беспрерывно капает на голову Локи; тут есть какая-то прерывность, пусть даже однообразная. А для меня даже боль потеряла свою свежесть. Предложи мне кто-нибудь всю славу мира или все его страдания, это нисколько бы меня не тронуло, я даже не повернулся бы на другой бок, чтобы получить одно и избежать другого. Я умираю смертью», *Кьеркегор С. Или — или. Фрагмент из жизни*: В 2 ч. СПб., 2011. С. 63.

³⁸ Benjamin W. GS V 1. S. 46.

следы уже сейчас, в каждый момент настоящего присутствующего бесклассового общества, субъект которого коллективен³⁹. Такой субъект, следуя логике Беньямина, есть субъект ожидания, подобный ребенку, читающему книгу и ждущему окончания дождя, фланеру, собирающему визуальные впечатления, студенту, коллекционирующему знания, или охотнику, выслеживающему свою цель по следам⁴⁰. Сам Беньямин не уточняет, как соотносятся друг с другом в жизни такого субъекта его индивидуальная и коллективная сферы, однако из его хода мысли можно заключить, что коллективный субъект⁴¹ – тот, кому еще только предстоит осознать себя, а вместе с тем изменить и понимание индивидуального, освободив последнее из стен буржуазного саркофага ради участия в социальной и политической жизни⁴². Можно сказать, что ожидание превращает индивидуального субъекта в историка⁴³, в пророка субъекта коллективного, который не тождествен толпе и массам, как никогда ясно представленным на сцене истории XX в. благодаря развитию кино- и фототехники⁴⁴.

Опасность отождествления масс и коллективного субъекта Беньямин видит в концепции коллективного бессознательного К.Г. Юнга: содержащиеся в историческом, по природе своей диалектическом образе формы коллективной жизни редуцируются до архаических образов, переводимых на язык обыденности, а по сути – понятного, идеологизированного настоящего, чей критический, революционный потенциал они, объясняя и замещая, парализуют⁴⁵. Хотя поздний Юнг

³⁹ Там же. S. 46–47.

⁴⁰ См. *Benjamin W.* GS V. S. 164 [D 3,4], 963 [m 2,1], 969 [m 5, 1], [m 5,2], [m 5, 4].

⁴¹ Например пролетариат или подчиненные классы.

⁴² *Benjamin W.* GS V 1. S. 492 [K 1a,2]. Метафоры гробницы, смерти, сна, мавзолея и саркофага Беньямин регулярно использует для описания буржуазного мира.

⁴³ Имеется ввиду автор истории, причем письмо и историческое действие оказываются синонимами. См. также предисловие Тидеманна к двухтомнику «Das Passagen-Werk». *Benjamin W.* GS V 1. S. 37.

⁴⁴ *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М., 1996. С. 62–64.

⁴⁵ *Benjamin W.* GS V 1. S. 589–590. Ср. с фрагментом из «Улицы с односторонним движением»: «[...] основа будущего заключена в духовном настоящем; точно подметить, что происходит в данную секунду, куда важнее, чем знать наперед дальнейшее. Предзнаменования, предчувствия, знаки денно и ночью, словно волны, прокатываются сквозь наш организм. Толковать ли, использовать ли их, вот в чем вопрос. Совместить же это невозможно. Малодушие и

уделял особое внимание принципу индивидуации и Самости, понимая последнюю не как изолированное Эго, но как синтез сознания и коллективного бессознательного⁴⁶, Беньямин мог быть знаком только с ранними его работами. Теория архетипов, как оторванный от особого контекста психотерапевтической задачи инструмент описания и объяснения коллективного опыта, не могла служить радикально сформулированной им в период расцвета фашизма критической задаче историка, через призму которой и раскрываются для Беньямина сферы индивидуального, коллективного и массового⁴⁷.

Коллективный субъект: спасение и революция

Проблемы коллективного субъекта Беньямин касается наиболее подробно в «Пассажах» и в тезисах «О понятии истории», своей самой поздней и самой продолжительной по времени работе. Идея коллективного при этом кажется особенно противоречивой, прежде всего, поскольку коллективный субъект не говорит сам за себя, но предстает гипотезой, абстракцией субъекта индивидуального, грезящего коллективным сном истории, революционное пробуждение из которого так важно для Беньямина. В частности, пролетариат, мыслимый им как еще не осознавший себя исторический субъект, особая, в том числе политическая, роль которого отмечается Беньямином в его тезисах, как коллективный субъект революции оказывается несостоявшимся: реальные интересы пролетариата скорее связаны с изменением условий труда, чем с учреждением бесклассового общества⁴⁸.

Важно отметить, что опыт коллективного – категория не будущего, но настоящего, и уже буржуазный, заточенный во внутреннем пространстве вещей индивидуальный субъект испытывает коллективный опыт, находясь с самого рождения в социальных пространствах своего класса и познавая их в течение жизни. Буржуазная квартира, отражающая коллективную действительность, во времена Беньямина, оказывается отмирающей формой, ее (пра)исторический образец следует искать не в XX, но в XIX в.: «Сложность критическо-

леность советуют одно, трезвость и свобода – другое». *Беньямин В.* Улица с односторонним движением. М., 2012. С. 101–102.

⁴⁶ Например, см. *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. М., 2008.

⁴⁷ *Беньямин В.* О понятии истории. Тезис II, III // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. С. 237–238.

⁴⁸ См. критику Беньямином немецких социал-демократов и коррумпированного

го рассмотрения проживания: с одной стороны, в нем необходимо обнаружить древнее – возможно, вечное – отображение пребывания [*Aufenthalt*] человека в материнском лоне; с другой стороны, не принимая во внимание этот праисторический мотив, в проживании в его наиболее выраженной форме [такой формой для Беньямина является *Gehäuse*, жилище] необходимо определить состояние бытия XIX века», – пишет Беньямин в «Пассажах», и продолжает: «сегодня [жилища] отмерли и проживание редуцировалось: для живущих через гостиничный номер, для мертвых через крематории»⁴⁹. Причина исчезновения жилища в значении буржуазной квартиры XIX века – прозрачность, «пористость» новых архитектурных форм⁵⁰, выставляющих напоказ то, что раньше было частным и закрытым.

Говоря об исчезновении внутреннего и индивидуального в новых архитектурных сооружениях, Беньямин ищет исторически родственную им коллективную форму XIX в., которая могла бы дать представление о пространственном пребывании современного ему субъекта эпохи модерна. Такую форму он находит в архитектуре парижских пассажей. Беньямин проводит параллель между праисторической и исторической составляющими жилища, с соответствующими им коллективными формами жизни. Так, скучающий «биржевой король», просыпаясь и завтракая в апартаментах отеля, передвигается подобно спящему и своими движениями передает пространству свою усталость⁵¹. Он ведет, можно сказать, растительное существование, на коллективном уровне наиболее ярко отраженное в архитектуре пассажей, выстроенных из стекла и металла по принципу теплицы – первоформы всякого сооружения из железа и стекла⁵².

Растительной жизни обитателя апартаментов уподобляется и пре-

рабочий класс понимания труда как спасения, Там же. С. 243–244.

⁴⁹ Перевод мой. Немецкий оригинал: «Das schwierige in der Betrachtung des Wohnens: daß darin einerseits das Uralte – vielleicht Ewige – erkannt werden muß, das Abbild des Aufenthalts des Menschen im Mutterschoße; und daß auf der anderen Seite, dieses urgeschichtlichen Motivs ungeachtet, im Wohnen in seiner extremsten Form ein Daseinszustand des neunzehnten Jahrhunderts begriffen werden muß. Die Urform allen Wohnens ist das Dasein nicht im Haus sondern im Gehäuse. [...] Heut ist es [Gehäuse] abgestorben und das Wohnen hat sich vermindert: für die Lebenden durch Hotelzimmer, für die Toten durch Krematorien», *Benjamin W.* GS V 1. S. 291–292.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Беньямин цитирует запись Пеллетана о визите к такому «биржевому королю», *Benjamin W.* GS V 1. S. 160.

бывание субъекта в пассажах Парижа. Как и сон младенца в утробе, оно лишено акцентов и протекает гомогенно⁵². Однако в стеклянной замкнутости пассажей отображена историческая актуальность коллективных снов: стеклянные и металлические конструкции его архитектуры – мифологические предвестники иной формы коллективной жизни, тогда как само внутреннее пространство – сон, в архитектуре которого каждый, подобно эмбриону, в материнской утробе проживающему животные формы жизни, или отождествляющемуся с пространством родительской квартиры ребенку, видит мечты и надежды родительских поколений⁵⁴. С одной стороны, такое пространство отражает замкнутость, заключение пребывающих в нем и редуцирует их жизнь до проживания как бы внутри родителя. С другой стороны, сон в замкнутом пространстве – условие пробуждения, которое, в свою очередь, разделяет грезящего субъекта и родительский сон⁵⁵, открывая тем самым и для вещей их прежде неявленную в слиянии со спящим субъективностью, в вещах как в языке обнаруживая голос и свидетельство других⁵⁶. Иными словами, пробуждение из сна впервые только и открывает то, что прежде было безграничным пространством спящего, как пространство другого, родителя, а на коллективном уровне как пространство предшествующих поколений, и, проводя разграничение, устанавливает связь.

Из связи индивида с жизнью предыдущих поколений проистекает для Беньямина и понимаемое как пробуждение революционное действие: его истоком оказывается не надежда на освобождение внука, но живая в момент настоящего память об угнетенных родителях⁵⁷, поскольку «лишь тот, кто привык относиться к собственному прошлому как к отродью, порожденному нуждой и бедствиями, способен в любой момент извлечь из него самое ценное. Ибо прожитое можно в лучшем случае сравнить с прекрасной статуей, которая потеряла

⁵² GS V 1. S. 221.

⁵³ GS V 1. S. 162.

⁵⁴ *Benjamin W.* GS V 2. S. 1054.

⁵⁵ *Benjamin W.* GS V 1. S. 492 [К 1a,2].

⁵⁶ Такой взгляд на вещи следует из понимания Беньямином материальности истории как руины в «Происхождении немецкой барочной драмы», а также языка и задачи переводчика по отношению к оригиналу, см. *Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы. М., 2002. *Беньямин В.* Задача переводчика // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. С. 254–270.

⁵⁷ *Беньямин В.* О понятии истории // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. С. 245.

при перевозке все члены и теперь представляет собой не более чем ценный блок, из которого ему надлежит высечь облик будущего»⁵⁸. Видя родительский мир и, шире, мир предшествующих поколений как собственное прошлое, критическая связь с которым устанавливается в революционном действии, индивид преодолевает собственные границы и открывается революционной энергии бытия друг с другом, коллективной по своему характеру и раскрывающей будущее в событии настоящего. Настоящее при этом понимается как замирание времени, его остановка, и противопоставляется движению, прогрессу, циклу, интерпретируемым Беньямином как история катастрофы, остановить которую и есть задача революции⁵⁹. Интересно, что другие, со-бытие с которыми реализуется в момент революции, если развить мысль Беньямина, – это не ныне живущие, с которыми в стремлении к общему будущему разделяется мир настоящего, но скорее угнетенные, вытесняемые из процесса истории, мертвые – ожидающие спасения, не обнаруживающие его скрытого действия в настоящем и уходящие в забвение безвозвратно⁶⁰. Делая акцент на мессианской перспективе мгновения, Беньямин связывает друг с другом мотивы революции и спасения, одновременно утверждая особое понимание времени человечества, а именно – взгляд на его историю, альтернативный как идее прогресса, так и циклического повторения, рассматривающий человеческую историю как критический момент актуального настоящего, требующий бодрствования сознания⁶¹.

Таким образом, революционное действие одновременно и прерывает исторический континуум, и устанавливает (именно благодаря

⁵⁸ Беньямин В. Улица с односторонним движением. М., 2012. С. 64.

⁵⁹ Беньямин сравнивает революцию не с локомотивом (как Маркс), но со стоп-краном мировой истории. См. *Benjamin W.* GS I 3, S. 1232.

⁶⁰ Ср.: «Нет никаких сомнений, что прорицатели, вопрошавшие время о том, что оно таит в своем лоне, не воспринимали его ни как гомогенное, ни как пустое. Кто сможет живо представить себе это, получит, возможно, некоторое представление о том, как прошедшее время переживается в процессе воспоминания: точно так же. Как известно, иудеям было запрещено испытывать будущее. Зато Тора и Молитвенник наставляли их в воспоминании. Благодаря этому для них было расколдовано будущее, под чары которого попадают те, кто прибегает к помощи прорицателей. Однако поэтому будущее не было для иудеев гомогенным и пустым временем. Потому что в нем каждая секунда была маленькой калиткой, в которую мог войти Мессия» (Беньямин В. О понятии истории. Приложение В // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. С. 249–250).

⁶¹ Тезис XVIII. Там же. С. 248–249.

прерыванию) связь поколений, без которой прошедшее, а вместе с ним и любая возможность нового исчезли бы безвозвратно⁶². Обращаясь к коллективному опыту и проблеме связи поколений, Беньямин соединяет и фактически приравнивает друг другу спасение единичного субъекта и спасение человечества. И хотя в его текстах подчеркивается особая роль пролетариата и угнетенных классов, субъектом истории потенциально может стать каждый: фланеры, игроки, коллекционеры и другие охотники за временем. Их кульминация – историк, одновременно и коллективный, и индивидуальный субъект, своим письмом вторгающийся на сцену истории и принадлежащий утопии бесклассового общества. Иллюзорная автономия и границы индивида и существуют, согласно Беньямину, только как форма коллективного, в момент актуализации которого они стираются.

Сферы коллективного и индивидуального переходят друг в друга, существуя для Беньямина как диалектические оппозиции, ни одна из которых не преодолевает другую в том, что можно было бы назвать прогрессивным развитием. В этом их отличие от массового, ассоциируемого Беньямином со всегда существующими в культуре конформизмом и варварством⁶³, в XX в. принимающими форму фашизма и обретающими господство. Коллективное, мыслимое Беньямином, полагается через связь субъекта с поколениями, с традицией: «[...] ведь именно невозвратимый образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения с появлением любой современности, не сумевшей угадать себя подразумеваемой в этом образе» (С. 239), тогда как массовое – не столько разрывание связей, сколько забвение прошедшего, а вместе с тем и любой формы субъективности, в гомогенной пустоте. В момент угрозы и перед лицом варварства традиция оказывается подчиненной, и спасти ее из подчинения господствующему классу – задача коллективного субъекта, историка, своим письмом-действием останавливающего автоматизм катастрофы: «В каждую эпоху необходимо вновь пытаться вырвать традицию у конформизма, который стремится воцариться над нею. Мессия ведь приходит не только как избавитель; он приходит как победитель антихриста. Даром разжечь в прошлом искру надежды наделен лишь историк, проникнувшийся мыслью, что враг, если он одолеет, не пощадит и мертвых. А побеждать этот враг продолжает непрестанно»⁶⁴.

⁶² Тезис XVII. Там же. С. 248.

⁶³ Тезис VII. Там же. С. 240–241.

⁶⁴ Там же. С. 240.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х.* Vita activa, или деятельной жизни / Пер. нем. и англ. В.В. Библина; под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Медиум, 1996.
- Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Аграф, 2002.
- Беньямин В.* Берлинское детство на рубеже веков / Пер. Г.В. Снежинской; науч. ред. А.В. Белобратов. М.: Ад Маргинем Пресс. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2012.
- Беньямин В.* Улица с односторонним движением / Пер. под ред. И. Болдырева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
- Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сб. статей / Пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой, Е. Павлова, А. Пензина, С. Ромашко, А. Рябовой, Б. Скуратова и И. Чубарова. М.: РГГУ, 2012.
- Кьеркегор С.* Или – или. Фрагмент из жизни: В 2 ч. / Пер. с дат. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Амфора, 2011.
- Ницше Ф.* Полное собрание соч.: В 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. М.: Культурная революция, 2007.
- Ницше Ф.* Полное собрание соч.: В 13 т. Т. 1/2: Несвоевременные размышления. М.: Культурная революция, 2014.
- Юнг К.Г.* Психология и алхимия. М.: АСТ, 2008.
- Adorno T. W.* Gesammelte Schriften in 20 Bänden. Bd. 2: Kierkegaard. Konstruktion des Ästhetischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003.
- Benjamin W.* Gesammelte Schriften in VII Bänden / Hg. v. Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974–1991.
- Brusotti M.* „Das Neue und Immergleiche“. Benjamin, Nietzsche und die ewige Wiederkehr // Nietzsche-Studien. 2017. Bd. 46. S. 254–283.
- Brüggemann H.* Passagen // Benjamins Begriffe in 2 Bänden. Bd. 2 / Hg. v. Michael Opitz und Erdmut Wizisla. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 573–618.
- Buck-Morss S.* The Origin of Negative Dialectics. N. York: The free press, 1977.
- Buck-Morss S.* The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project. Cambridge/London: The MIT Press, 1989.
- Konersmann R.* Erstarrte Unruhe. Walter Benjamins Begriff der Geschichte. Frankfurt am Main: Fischer, 1991.
- Recki B.* Aura und Autonomie: zur Subjektivität der Kunst bei Walter Benjamin und Theodor W. Adorno. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1988.
- Schmider C., Werner M.* Das Baudelaire-Buch // Benjamin-Handbuch / Hg. v. Burkhardt Lindner. Stuttgart/Weimar: J.B. Metzler, 2006. S. 567–584.
- Theunissen M., Greve W.* Kritischer Marxismus // Materialien zur Philosophie Søren Kierkegaards / Hg. v. Theunissen M., Greve W. Fr. am M.: Suhrkamp, 1979.
- Theunissen M.* Das Selbst auf dem Grund der Verzweiflung. Kierkegaards negative Methode. Frankfurt am Main: Hain, 1991.
- Traverso E.* Left-wing melancholia: Marxism, history and memory. New York: Columbia University Press, 2016.

Waschkuhn A. Kritische Theorie: Politikbegriffe und Grundprinzipien der Frankfurter Schule. München/Wien: Oldenbourg, 2000.

Weidmann H. Flanerie, Sammlung, Spiel: Die Erinnerung des 19. Jahrhunderts bei Walter Benjamin. München: Fink, 1992.

Westfall J. Walter Benjamin. Appropriating the Kierkegaardian Aesthetic // Kierkegaard Research: Sources, Reception and Resources. Vol. 11: Kierkegaard's influence on philosophy. Tome I: German and Scandinavian philosophy / Hg. v. John Stewart. London/New York: Routledge, 2012. P. 49–65.

Mariya Savina

MA in Cultural Studies, Russian School for Anthropological Studies, Russian State University for the Humanities; 6 Miuskaya square, Moscow, 125993 Russian Federation; MA Student at the Free University of Berlin (Institute of Philosophy), Habelschwerdter Allee 30, 14195 Berlin, Germany. E-mail: maria.al.savina@gmail.com.

The problem of subjectivity: interior spaces as the limit of the individual and the collective in Walter Benjamin

Summary: The individual/collective opposition is the one of the key oppositions that organise Benjamin's thinking. In his unfinished work "The Arcades Project", Benjamin applies the methods of conceptualising of history he has developed before by addressing his individual experience in "One-Way Street" and "Berlin Childhood around 1900" to the political and social sphere. He actualises the experience of the historical which is opposed to the prehistoric reality of myth. In contrast to Jung's supposedly reductionist and anti-historical theory of collective unconsciousness, Benjamin develops his original concept of dialectical image and the related concept of collective experience, describing the subject of history in connection with the latter. The paper examines the collective and the individual aspects of subjectivity which Benjamin demonstrates on the example of interior spaces.

Keywords: Benjamin, interior, historian, collective, myth, arcades, prehistory of Modern, revolution, subject.

References

Adorno, T.W. *Gesammelte Schriften*, 20 Bde. Bd. 2: Kierkegaard. Konstruktion des Ästhetischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003.

Arendt, H. *Vita activa, ili o deyatel'noi zhizni* [The Human Condition], transl. by V.V. Bibikhin; ed. by D.M. Nosov. Saint Peterburg: Aleteiya Publ., 2000. (In Russian)

Benjamin, W. *Gesammelte Schriften*, 7 Bde, hg. v. Rolf Tiedemann und Hermann Schweppenhäuser. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974–1991.

Benjamin, W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected essays], transl. by S. Romashko. Moscow: Medium Press, 1996. (In Russian)

Benjamin, W. *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoi dramy* [The Origin of Ger-

- man Tragic Drama], transl. by S. Romashko. Moscow: Agraf Press, 2002. (In Russian)
- Benjamin, W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov* [Berlin Childhood around 1900], transl. by G.V. Snezhinskaya; ed. by A.B. Belobratov. Moscow: Ad Marginem Press; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi Press, 2012. (In Russian)
- Benjamin, W. *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniem* [One-Way Street], transl. from German, ed. by I. Boldyrev. Moscow: Ad Marginem Press, 2012. (In Russian)
- Benjamin, W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. Sb. Statei* [Doctrine of the Similar. Media Aesthetic Works. Collected papers], transl. by I. Boldyrev, A. Belobratov, A. Glazova, E. Pavlov, A. Penzin, S. Romashko, A. Ryabova, B. Skuratov and I. Chubarov. Moscow: RGGU Publ., 2012. (In Russian)
- Brusotti, M. „Das Neue und Immergleiche“. Benjamin, Nietzsche und die ewige Wiederkehr, in: *Nietzsche-Studien*, 2017, Bd. 46, S. 254–283.
- Brüggemann, H. „Passagen“, in: *Benjamins Begriffe*, 2 Bd. Bd. 2, hg. v. Michael Oplitz und Erdmut Wizisla. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 573–618.
- Buck-Morss, S. *The Origin of Negative Dialectics*. New York: The Free Press, 1977.
- Buck-Morss, S. *The Dialectics of Seeing: Walter Benjamin and the Arcades Project*. Cambridge; London: The MIT Press, 1989.
- Jung, C.G. *Psikhologiya i alkimiya* [Psychology and Alchemy]. Moscow: AST Publ., 2008. (In Russian)
- Kierkegaard, S. *Ili – ili. Fragment iz zhizni* [Either-Or. A Fragment of Life], in 2 vols., transl. by N. Isaeva, S. Isaev. Saint Peterb.: Amfora Press, 2011. (In Russian)
- Konersmann, R. *Erstarrte Unruhe. Walter Benjamins Begriff der Geschichte*. Frankfurt am Main: Fischer, 1991.
- Nietzsche, F. *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works of Friedrich Nietzsche], 13 vols. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2005–2014. (In Russian)
- Recki, B. *Aura und Autonomie: zur Subjektivität der Kunst bei Walter Benjamin und Theodor W. Adorno*. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1988.
- Schmider, C. and Werner, M. „Das Baudelaire-Buch“, in: *Benjamin-Handbuch*, hg. v. Burkhardt Lindner. Stuttgart/Weimar: J.B. Metzler, 2006, S. 567–584.
- Theunissen, M. and Greve, W. „Kritischer Marxismus“, in: *Materialien zur Philosophie Søren Kierkegaards*, hg. v. Theunissen M., Greve W. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
- Theunissen, M. *Das Selbst auf dem Grund der Verzweiflung. Kierkegaards negativistische Methode*. Frankfurt am Main: Hain, 1991.
- Traverso, E. *Left-wing melancholia: Marxism, history and memory*. New York: Columbia University Press, 2016.
- Waschkuhn, A. *Kritische Theorie: Politikbegriffe und Grundprinzipien der Frankfurter Schule*. München/Wien: Oldenbourg, 2000.
- Weidmann, H. *Flanerie, Sammlung, Spiel: Die Erinnerung des 19. Jahrhunderts bei Walter Benjamin*. München: Fink, 1992.
- Westfall, J. „Walter Benjamin. Appropriating the Kierkegaardian Aesthetic“, in: *Kierkegaard Research: Sources, Reception and Resources*. Vol. 11: Kierkegaard's influence on philosophy. T. I: German and Scandinavian philosophy, hg. v. John Stewart. London; New York: Routledge, 2012, pp. 49–65.